

И Яньци слегка дрожал, ладони его потели. Разум твердил, что в таком состоянии нельзя садиться за руль и ехать с горы, но чувства не позволяли ему проявить слабость.

Визг —

Шины проскрипели по гравию, и резкий звук экстренного торможения эхом раненой птицей заметался между горными склонами.

И Яньци с невыносимой мукой уткнулся лбом в рулевое колесо, и наконец в тишине салона прозвучал его слегка охрипший голос:

— До встречи.

Кузэ открыл дверь и нащупал выключатель.

С сухим щелчком волна теплого желтого света мгновенно затопила гостиную.

В отличие от пустой и безликой демонстрационной квартиры, какой он ее себе представлял, каждый предмет мебели и элемент декора в комнате выглядел так, будто их тщательно подбирали друг к другу, создавая поистине гармоничный ансамбль. Преобладали теплые тона, и с первого же взгляда пространство дарило ощущение невероятного уюта. Первое впечатление — перед ним вовсе не холодные стены, а...

Место, которое вполне можно назвать домом.

Стоит ли удивляться, что И Яньци — перфекционист до мозга костей, раз даже случайное временное жилье он обустроил столь безупречно?

Кузэ закрыл дверь, опустил взгляд — у обувной полки стояли две пары тапочек.

Он скинул обувь и примерил одну из пар — размер оказался впору.

Сидело идеально, и это вовсе не выглядело простым совпадением.

Переобувшись, Кузэ заложил руки за спину, словно старик на прогулке, и принялся вышагивать по гостиной, оглядываясь по сторонам и все оценивающе разглядывая.

На диване аккуратно, уголок к уголку, лежало однотонное мягкое одеяло; правее стоял журнальный столик, на котором красовалась лаконичная и изящная белоснежная фарфоровая ваза, а в ней — несколько веточек жасмина самбак в самом цвету. Рядом с вазой лежали ножницы, а в стоявшей неподалеку корзине для мусора белели обрезки цветочных стеблей.

Поглазев еще немного, он плюхнулся прямо на журнальный столик, упершись обеими руками в столешницу, вытянул вперед длинные ноги и задрал голову, разглядывая потолочную люстру. Хрусталь отражал мириады мелких искорок, от которых у него слегка закружилась голова.

— И чего это он упирался, не хотел меня сюда пускать? — бормотал под нос Кузэ. — Боялся, что я стану расспрашивать, с какой стати он здесь постоянно околачивается?

А ведь спросить и вправду ужасно хотелось.

Строго говоря, эту виллу выбирал сам Кузэ, руководствуясь исключительно собственными пожеланиями.

Когда домашние тогда спросили его мнения, он небрежно бросил, что хочет уединения. На самом деле в душе он рассчитывал отыскать местечко поотдалече, чтобы потом иметь отличный повод никуда не ездить из-за такой дали.

В итоге остановились на этом варианте, и, как доходили слухи, все хлопоты по обустройству взял на себя лично И Яньци.

Нынче этот человек унаследовал семейный бизнес, преуспел в делах, и уж недвижимости за ним числится всяко больше одной. Кузэ никак не мог взять в толк, зачем ему понадобилось селиться здесь — в глуши, невероятно далеко и от его компании, и от родового гнезда, и даже от центра города — и жить в одиночестве на этой уединенной вилле.

В носу защекотало, Кузэ потер нос, покосился на пышно цветущий жасмин и с нехорошим умыслом щелкнул по цветку:

— Ах ты ж аромат какой, аж в носу крутит.

В день аукциона Кузэ появился без лишнего шума.

Последние несколько дней он безвылазно просидел на загородной вилле, выключив телефон и отгородившись от всего мира. И вполне предсказуемо — ни один из приятелей не смог его отыскать.

Все молчаливо сходились на том, что он с И Яньци находятся в состоянии непримиривой войны, а потому никому и в голову бы не пришло заявляться в их так называемое семейное гнездышко на поиски пропажи.

Стоило Кузэ, пропадавшему невесте где столько времени, вновь объявиться, как он тут же оказался в центре всеобщего внимания. Круг его знакомств был широк, и сейчас, бросив беглый взгляд на зал, он едва ли не каждого встречного знал в лицо. Поэтому, когда Шан Жун выдал во всю глотку: Кузэ, ты сукин сын! — почти все присутствующие дружно повернули головы назад.

Кузэ, планировавший зайти тихо и незаметно: «.....»

Шан Жун со своей компанией, само собой, сидели в первых рядах, и теперь эта разукрашенная братия на всех парах ринулась ловить Кузэ, вошедшего с черного хода. Зрелище выдалось шумным и привлекающим всеобщее внимание. Не успел Кузэ сделать и пару шагов вперед, как его окружили и принялись толкать со всех сторон, причем громче всех орал и усердствовал именно Шан Жун.

— Ты совсем совесть потерял, столько дней носа не кажешь! Какого черта тебя вообще понесло, договаривались же устроить холостяцкую вечеринку, а ты вдруг испарился! Знаешь, как мы тебя тогда полночи искали?

— Точно, молодой господин Кузэ, куда это вас занесло? Умудриться пропасть на столько дней, мы ведь подняли на уши все свои связи, но так и не смогли вас отыскать.

Это «все» заставило Кузэ криво усмехнуться. Он дернул уголком рта и перевел взгляд на человека, стоявшего неподалеку.

Чжао Личуань стоял рядом с Кузэ и до этого молчал, но, заметив его взгляд, улыбнулся:

— Ладно, главное ведь, что с А-Зэ все в порядке, давайте не будем заикливаться. Пойдемте лучше займем места, а то на нас сейчас все смотрят.

Услышав это, Кузэ слегка нахмурился.

Строго говоря, в том мимолетном взгляде, брошенном на Чжао Личуаня, не было никакого скрытого смысла — просто случайный зрительный контакт. Но Чжао Личуань, судя по всему, истолковал это так, будто Кузэ ждет от него помощи и хочет, чтобы тот разрядил обстановку.

Более того, договорив, он одарил его многозначительной улыбкой, словно между ними существовало давнее, не требующее лишних слов взаимопонимание.

Кузэ опомнился и тоже улыбнулся. В конце концов, даже если он и не просил об этом напрямую, товарищ действительно помог сгладить неловкость.

— Моя вина, заставил вас волноваться. Сегодня вечером с меня угощение, поедem в Сихай, повторим ту вечеринку.

Народ радостно завопил и зашумел, снова двигаясь вперед, а Кузэ поплелся следом, отставая на полшага.

Эти приятели-тусовщики только с виду казались возмущенными, а на деле большинство просто радовалось шумихе, и лишь немногие принимали все всерьез. Пожалуй, единственный, кто злился сейчас по-настоящему, был Шан Жун:

— Лучше бы тебе потом выложить мне все как на духу, иначе тебе крышка.

Кузэ хмыкнул и, не удержавшись, взъерошил ладонью разноцветную шевелюру Шан Жуна:

— Раз у тебя есть время на новые прически, значит, не так уж сильно ты за меня переживал.

Услышав это, Шан Жун чуть не задохнулся от возмущения и принялся подпрыгивать на месте.

Чжао Личуань бросил взгляд на его макушку и улыбнулся:

— А-Зэ, ты же его знаешь: он волосы красит и когда счастлив, и когда не в духе. В большинстве случаев цвет шевелюры отлично отражает его душевное состояние, и все эти оттенки радуги — явно не от хорошей жизни.

Говоря это, он тоже протянул руку, собираясь потрепать Шан Жуна по голове, но Кузэ отдернул руку за мгновение до того, как тот успел прикоснуться.

Как раз в этот момент Шан Жун с недовольным видом тряхнул головой, отворачиваясь в другую сторону, и Чжао Личуань тоже опустил руку, не став настаивать.

Атмосфера между троими внезапно погрузилась в тяжелое молчание на целую секунду. Чжао Личуань уже было собрался начать разговор на другую тему, как вдруг заметил, что Кузэ чуть приподнял подбородок в его сторону и с легким вызовом свистнул.

Чжао Личуань опешил, но сообразил почти сразу: Кузэ смотрел вовсе не на него.

— Почему не отвечаешь на сообщения?

Взгляд Кузэ скользнул мимо Чжао Личуаня и уперся в мужчину, который стоял в стороне от

оживленных кучек гостей аукциона и держался особняком, резко выделяясь на общем фоне своей обособленностью.

И Яньци сегодня облачился в темно-серый костюм строгого кроя, подчеркивавший его широкие плечи и узкую талию, что придавало ему подтянутый и утонченный вид.

Он как раз заглядывал в телефон, но, услышав голос, будто только сейчас заметил незваных гостей, скользнул по ним взглядом, сохранив совершенно равнодушное выражение лица:

— Не видел.

Кузэ тихо фыркнул, прикусив изнутри щеку.

И снова этот напыщенный вид, от которого так и тянет врезать.

Изначально Кузэ планировал появиться на аукционе вместе с И Яньци.

За последние дни он передумал о многом, и сейчас сильнее всего ему хотелось изменить собственную судьбу. Разумеется, при условии, что его воля и поступки больше не станут слепо подчиняться принудительному сценарию этого мира.

Аукцион представлялся отличной возможностью для проверки.

Согласно первоначальному сюжету, среди лотов этого аукциона должен был оказаться редкий предмет из личной коллекции главного героя-покорителя.

Цинь Ся, увидев этот лот на презентации, пришел от него в полный восторг и принялся ластиться к Кузэ, выпрашивая вещицу, и Кузэ, конечно же, не смог отказать.

Штуковина стоила недорого, и Кузэ был уверен, что желающих составить ему конкуренцию не найдется.

Однако откуда ни возьмись выскочил И Яньци и начал упорно перебивать ставки, взвинтив цену на редкий сувенир до небес.

Кузэ тогда решил, что И Яньци делает это нарочно, чтобы насолить ему.

Цинь Ся придерживался того же мнения: пылая праведным гневом, он вилей понесся к И Яньци с расспросами. Но И Яньци отличался холодным нравом, а язык у него был и вовсе ядовитым — с каменным выражением лица он бросил пару коротких фраз, с легкостью доведя до слез разошедшегося не на шутку и топающего ногами Цинь Ся.

Следом за этим разыгралась сцена, где Кузэ встает на защиту Цинь Ся и вступает в жесткое противостояние с И Яньци.

В конце концов Кузэ все же выкупил этот лот для Цинь Ся.

И именно эта вещица впоследствии стала катализатором их первой встречи с главным героем.

Мысленно восстановив всю цепочку событий, Кузэ подумал, что выглядел тогда полнейшим дураком. Но больше всего в этой истории его изумлял именно И Яньци.

Теперь, когда он уже знал, что И Яньци, судя по всему, не испытывает к нему такой уж лютой вражды и отвращения, зачем тому было упрямо гнать цены вверх и мешать ему заполучить

лот?

Как ни крути, логики не наблюдалось, да и ладно.

Кузэ быстро отбросил эти размышления, переключившись на вещи куда более важные.

К слову, это опять-таки было связано с И Яньци: сегодня он собирался поступить строго наперекор каноничному сюжету.

Он намерен прийти к соглашению с И Яньци и забрать этот лот совместно, выступая как его законный супруг. Изменить предрешенный сценарий и спокойно наблюдать за тем, как события будут развиваться дальше.

Кузэ хотел заранее переговорить с И Яньци, чтобы тот опять не вздумал публично идти против него.

Вот только прежде чем он успел раскрыть рот, сзади раздалось знакомое обращение:

— Яньци.

Услышав свой призыв, И Яньци обернулся и едва заметно улыбнулся подошедшему.

Кузэ: «?»

Чему это он улыбается?

На самом деле это была лишь дежурная, вежливая улыбка, не затрагивающая глаз, но и от этого зрелища становилось не по себе.

Кузэ тоже оглянулся и увидел, как к ним направляется совершенно незнакомый ему человек. Они с И Яньци обменялись дружескими объятиями, после чего двинулись плечом к плечу в сторону третьего ряда, где И Яньци и занял свое место.

Не прошло и минуты с тех пор, как он похвастался, будто знает здесь каждого, как реальность тут же отвесила ему звонкую пощечину.

Взгляд Кузэ слегка потемнел — ему претила сама мысль о столь неудачном начале.

— Кто это? — по привычке обратился Кузэ к Чжао Личуаню. Тот всегда был ходячей энциклопедией, и на сей раз тоже не подвел.

— Младший из семьи Сун, говорят, только что вернулся из Штатов, уже вовсю рулит делами в семейной компании, а в последнее время вроде бы ведет какие-то совместные проекты с господином И.

— Вот как, — Кузэ приподнял бровь, принимая информацию к сведению.

Чжао Личуань с улыбкой посмотрел на него:

— С чего это ты вдруг заимел такой живой интерес к делам господина И? Ведь в тот день, когда ты ездил к нему подписывать соглашение о разводе...

Кузэ вовсе не горел желанием развивать эту тему, поэтому оборвал его:

— Обувь, которую ты мне в прошлый раз заказывал, оказалась на полразмера меньше.

Тема сменилась так резко, что Чжао Личуань не сразу нашелся с ответом. Он поднял глаза и встретился взглядом с насмешливыми глазами стоявшего перед ним мужчины.

И хотя Кузэ улыбался, Чжао Личуань почему-то ощутил внутренний холодок, а по затылку побежали мурашки.

— Вот как? На полразмера меньше.

Прямолинейность Кузэ явно застала Чжао Личуаня врасплох: его привычное красноречие куда-то испарилось, воля подчинилась чужой воле, и он почувствовал себя провинившимся слугой, которого отчитывают при всех.

— Фонарик, — Кузэ вспомнил старое университетское прозвище Чжао Личуаня. — Мы знакомы столько лет и прекрасно изучили друг друга. Если тебе есть что сказать, говори прямо, к чему эти обходные маневры.

<http://bllate.org/book/25762/3080260>